

Отзыв

официального оппонента Барковской Нины Владимировны
о диссертации Граматчиковой Марии Олеговны на тему

**«Мотивный комплекс *моления о чаше* в русской
поэзии 1930–1940-х годов»,**

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических
наук
по специальности 10.01.01 – русская литература

Для современного литературоведения вполне очевидно, что поэзия советского времени вовсе не однородна, она представляет собой многослойную, внутренне противоречивую картину. Однако исследований, в которых предпринималась бы попытка анализа не только одного из пластов литературы советского времени, но именно сосуществования самых разных ее сегментов и векторов развития, пока не так много. Данным обстоятельством определяется **актуальность** диссертации, выполненной М.О. Граматчиковой. Материалом для исследования послужила поэзия эмиграции (З. Гиппиус, Е. Кузьмина-Караваева, Эллис, Б. Поплавский, О. Анстей); подцензурная поэзия (Н. Асеев, П. Антокольский, А. Прокофьев, Э. Багрицкий, В. Рождественский, О. Берггольц, М. Исаковский); «потаенная» (неопубликованная в годы создания) поэзия (Д. Андреев, А. Ахматова, Б. Пастернак, С. Липкин, М. Петровых); духовная поэзия узников ГУЛАГа (Н. Ануфриева, А. Солодовников). Автор диссертации оговаривает принцип «точечного» выбора материала, хотя, безусловно, без «Реквиема» Ахматовой и стихов Юрия Живаго из романа Пастернака, законченного, правда, в 1955 г., обойтись было бы нельзя, тем не менее, даже такое «точечное» рассмотрение материала позволило создать вполне объемную картину развития русской поэзии в 1930 – 1940-е гг. Отметим также, что целый ряд авторов, попавших в поле зрения диссертанта, сравнительно мало изучен, введение их стихотворений в столь нетривиальный контекст также можно считать заслугой выполненного исследования.

Новизна диссертации обусловлена выбором аспекта, позволившего объединить столь разных авторов: мотив «моления о чаше» обнаруживается в разных пластах поэзии советского времени. Цель исследования заключалась в выявлении традиционных и индивидуально-авторских вариантов воплощения избранного библейского мотива в русской поэзии 1930 – 1940-х гг.

Исследование вариантов реализации Гефсиманского мотива позволило М.О. Граматчиковой сделать наблюдения и выводы, характеризующиеся **теоретической значимостью** в плане исторической поэтики. Применительно к избранному материалу и задачам исследования продемонстрирована такая

особенность мотива, как его комплексность и вариативность, способность трансформироваться в соответствии с мировоззренческими установками и индивидуальными особенностями авторов, вплоть до радикального изменения смысловой нагрузки мотива. Вместе с тем, доказана «архетипичная» природа библейского мотива «моления о чаше», позволяющая данному мотиву не исчезать из художественного сознания даже в безрелигиозном обществе.

Отметим, что выбор Гефсиманского мотива и символики чаши осознаны и обоснованы уже во введении к диссертации. Адекватной задачам исследования явилась методологическая база, в которую вошли труды по теории и истории литературного мотива, исследования в области русской поэзии советского периода, обширная научная литература, посвященная поэме Ахматовой «Реквием» и роману Пастернака «Доктор Живаго». Выбор библейского мотива обусловил необходимость привлечения трудов богословской, философской и культурологической направленности, что свидетельствует о широте научного кругозора автора диссертации, стремлении учесть все наблюдения и концепции предшественников (библиография насчитывает 260 источников).

Исследование, проделанное М.О. Граматчиковой, имеет несомненную **практическую значимость**: представленный материал будет полезен для дальнейших научных изысканий в области истории русской поэзии советского периода, при чтении соответствующего курса лекций на филологических факультетах, а также, как справедливо указывает сам автор диссертации, при подготовке, комментировании и издании разного рода хрестоматий и антологий по поэзии рассматриваемого периода.

Остановимся на наиболее значимых положениях диссертации. Первая глава **«Мотивный комплекс моления о чаше в поэзии 1930-х годов»** состоит из трех параграфов, посвященных поэзии русского зарубежья, подцензурной литературе и поэзии узников ГУЛАГа. Рассмотрение поэзии, созданной в эмиграции, позволило выявить три варианта реализации мотива чаши страданий. Расположение материала в первом параграфе демонстрирует логику нарастания индивидуально-личностного восприятия мотива. В творчестве Е.Ю. Кузьминой-Караваевой сохраняется традиционное толкование библейского мотива: готовность принять свой крест, по возможности облегчая страдания других. Е.Ю. Кузьмина-Караваева не только в поэтическом слове-молитве, но и своей подвижнической жизнью «монахини в миру» и мученической смертью реализовала готовность, подобно Христу, испить чашу страданий до дна. Далее отмечается эволюция избранного мотива в поэзии З.Н. Гиппиус: у нее к 1930-м гг. ощущение неизбежности страданий рождает чувство богооставленности. Л.Л. Кобылинский (Эллис) также акцентирует именно чашу страданий Христа, поскольку для человека, в отличие от Бога, достаточно мужественно принять неизбежность смерти. Еще более интериоризирует мотив моления о чаше Б. Поплавский. Как показывает автор диссертации, Поплавский «обытовляет»

Гефсиманскую чашу, его лирическому герою ближе Спаситель одинокий, слабый, униженный.

Второй параграф 1 главы посвящен преломлению мотива о чаше в советской поэзии. В подцензурной литературе библейский мотив не мог воплощаться открыто. Автор диссертации рассматривает два основных варианта: либо Гефсиманский мотив звучит, но изменен/подменен адресат, либо мотив вообще отрицается с антирелигиозных позиций. В качестве примера анализируются цикл О. Берггольц «Родине» (первый вариант) и стихотворение А. Прокофьева «Победа» (второй вариант). Анализ цикла Берггольц – одно из наиболее удачных мест в диссертации, демонстрирует и профессионализм, и человеческий такт автора исследования. Безусловно интересна трактовка стихотворения Н. Асеева «Послесловие»: в этом тексте происходит жанровый симбиоз молитвы с любовным посланием и публицистическим текстом на производственную тему, а адресатом становится не Бог и не Родина, а Краматорский завод. Отдавая должное оригинальности трактовки, все же не можем не задаться вопросом: существует ли некий предел трансформации мотива, за границей которого мотив теряет самоидентичность?

Третий параграф 1 главы доказывает, что «комплекс Гефсимании – один из важнейших в произведениях лагерной поэзии». Рассмотрение творчества А. Солодовникова и Н. Ануфриевой существенно дополняет картину лагерной поэзии, сложившуюся на сегодняшний день в литературоведении. Тонко отмечены дополнительные «библейские» образы: птицы, звезды, цветы, земля и небо. Анализ завершается ёмким выводом, построенном на противопоставлении официальной и «потаенной» поэзии. В творчестве заключенных сохраняется сакральный смысл мотива, адресатом по-прежнему является Бог, герой стремится к самопожертвованию, а не возвеличивает жертвоприношение, в лагерной поэзии преобладает пафос смирения перед высшей волей, тогда как в официальной поэзии важнее были требования «политической религии», т.е. коммунистической идеологии.

Глава 2 «**Мотивный комплекс моления о чаше в поэзии периода Великой Отечественной войны**» построена в другой логике: рассматриваются не разные пласты русской поэзии сквозь призму одного мотива, но выявляется комплексная семантика самого мотива моления о чаше. Справедливо отмечается, что в период войны на первый план выходят мотивы смерти/распятия, жертвы/самопожертвования, мотив выбора. При исследовании мотива смерти/распятия подчеркивается противоречивость индивидуальных переживаний героя: с одной стороны, общность страданий рождается чувство единения со всем народом, с другой стороны, человек испытывает одиночество перед лицом почти неминуемой смерти. Вместе с тем, автор диссертации отмечает, что в условиях экстремального опыта многие оппозиции, в том числе, христианской и «коммунистической» морали, были, в какой-то степени, сняты.

Мотивы чаши и Голгофы соединяют О. Анстей («Кирилловские яры»), П. Антокольский («В страшный час»), О. Берггольц («Ленинградская осень»). Причем Ольга Анстей снимает в жуткой картине общечеловеческой трагедии оппозицию иудаизма и христианства. В стихотворении О. Берггольц «Разговор с соседкой» сильнее, чем тема смерти, звучит тема Воскресения, бессмертной памяти и вечной жизни. Мотив самопожертвования очень убедительно раскрыт в стихотворении О. Берггольц «Памяти защитников», в главе «Ленинградский апокалипсис» из поэтического ансамбля «Русские боги» Д. Андреева. А вот требование жертвы-смерти для врага звучит в стихотворении М. Исаковского «1943-й год».

Мотив выбора прослеживается на материале стихотворений Марии Петровых и С. Липкина. Краткий, но очень ёмкий анализ избранных стихотворений этих авторов показывает индивидуальные трактовки мотива моления о чаше (для Петровых эта чаша общая со всем народом, у Липкина чаша выступает символом самопознания).

Завершает диссертацию глава **«Мотивный комплекс моления о чаше в поэме “Реквием” А. Ахматовой и в “Стихах Юрия Живаго” Б. Пастернака»**. Освоен и реферативно освещен огромный массив научной литературы, посвященный библейской образности в «Реквиеме». Подчеркивается, что мотив моления о чаше появляется в поэме в разных контекстах, обогащаясь новыми смыслами и семантическими связями, актуализируются те элементы сюжетно-мотивного комплекса моления о чаше, которые соотносятся с понятиями философии экзистенциализма (мотивами одиночества и смерти). Как известно, в центре поэмы не Сын, но Мать. Ахматовой, как доказывает автор диссертации, чаша смерти или безумия кажется слишком легкой, для нее важнее в Гефсимании не смирение, но своеволие и даже гордость. Каждая глава поэмы есть новая ступень на Голгофу. Моление матери не будет услышано. Из анализа поэмы сделан вывод: «Голгофа была дана только одному человеку в качестве спасения, для остальных спасительным становится Гефсиманское моление: готовность к смерти, одиночество и богооставленность». Творение поэмы, главное деяние автора-поэта – и ее крест, и ее преодоление смерти.

При анализе «Стихотворений Юрия Живаго» автору диссертации также пришлось освоить значительный объем научной литературы. Вместе с тем, избранный аспект – мотив моления о чаше – позволил найти свой исследовательский ход. М.О. Граматчикова приходит к выводу, что стихотворения последовательно развивают сюжет перехода от чаши жизни Гамлета к чаше смерти Христа через чашу любви лирического героя – Живаго. Так, например, доказывается, что в стихотворениях «Рождественская ночь» и «Гефсиманский сад» Пастернак учитывает исключительно человеческую природу Христа, соединяя жизнь Спасителя с

жизнью поэта Юрия Живаго, совмещаая рефлексию и веру. Объединяет героев «преобразующее творческое начало и умение чувствовать (“освобождать”) историю».

В итоге делает вывод о том, что и Ахматова, и Пастернак создают альтернативную поэтическую историю своей жизни.

Заключение подводит итоги проделанному исследованию. Отметим, что в целом для диссертации характерны очень развернутые, концептуальные выводы из глав. Различая традиционные и индивидуально-авторские прочтения мотива моления о чаше, М.О. Граматчикова подчеркивает, что «универсальная традиционность» шире, чем отсутствие каких-либо искажений библейского сюжета. Среди индивидуально-авторских трактовок можно выделить условно-традиционные, близкие первоисточнику по духу (О. Берггольц, П. Антокольский, С. Липкин, М. Петровых) и нетрадиционные, вступающие в конфликт с евангельским сюжетом (Э. Багрицкий, С. Прокофьев, М. Асеев, М. Исаковский). В произведениях Ахматовой и Пастернака функция мотива моления о чаше заключается в возведении духовной биографии авторов на уровень евангельской трагедии.

В целом можно констатировать, что диссертация М.О. Граматчиковой представляет собой актуальное и новаторское исследование, выполненное на высоком профессиональном уровне. Высоко оценивая работу, позволим себе задать два вопроса.

1. Что является ядром мотива моления о чаше, а что входит в периферию значений? Существует ли допустимый предел трансформаций мотива, есть ли границы для его индивидуально-авторского истолкования, выход за которые приводит к исчезновению мотива, замене его чем-то другим? Есть ли (хотя бы широко понимаемая) жанровая «привязка» мотива моления о чаше? Например, в работе утверждается, что в стихах Б. Поплавского есть «Гефсиманская интонация», подчеркивающая одиночество героя, но самого моления нет – можно ли говорить о мотиве моления о чаше в этом случае? Если можно рассматривать сквозь призму мотива моления о чаше «Послесловие» Н. Асеева, то почему бы не квалифицировать подобным образом многие другие тексты, например, «Необычайное приключение...» или «Товарищу Нетте...» Маяковского?
2. Второй вопрос связан с установкой на «точечный», выборочный анализ литературного материала. Данную установку мы считаем правомерной, оправданной и неизбежной в исследовании такого широкого масштаба. Вопрос касается параграфа 1.3: существовали ли другие трактовки мотива моления о чаше в лагерной поэзии, чем у А. Солодовникова и Н. Ануфриевой? Всегда ли трагедия несправедливо репрессированных приводила к очищению и

возвышению духа? В диссертации приводится мнение В. Шаламова, полагавшего, что лагерь только разрушает личность. Одно дело, когда жертва Христа совершалась во имя победы над смертью, другое дело, когда смирение узника, фактически, означало принятие политических репрессий, чинимых людьми, но не волей Бога.

Высказанные вопросы не являются замечаниями, они только свидетельствуют о важности и сложности обсуждаемых в исследовании проблем, в том числе и этического характера.

Автореферат и публикации (в том числе 4 в рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ) в полной мере отражают основные результаты исследования. Диссертация прошла достаточную апробацию на конференциях различного уровня.

Заключение: диссертация «Мотивный комплекс *моления о чаше* в русской поэзии 1930 – 1940-х годов» соответствует паспорту научной специальности 10.01.01 – русская литература и требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ, а ее автор, Мария Олеговна Граматчикова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Барковская Нина Владимировна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры литературы и методики ее преподавания
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический
университет»

620017 г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26

e-mail: rector@uspu.ru

тел. +7 (343)336-14-00

Барковской Н.В.
И.С. Меришотова